

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

11—16 ноября 1974 г. в Москве проходила Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания, организованная Научным советом по теории советского языкознания при Отделении литературы и языка Академии наук СССР. На конференции, посвященной наиболее актуальным проблемам теоретического языкознания, были представители всех направлений лингвистической науки нашей страны, а также лингвисты Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии и Польши.

Вынесенная на обсуждение конференция теоретическая проблематика группируется вокруг пяти основных тем пленарных заседаний: 1) Философские вопросы языкознания, 2) Общественная природа и функционирование языка в обществе, 3) Типология языка, 4) Методы лингвистических исследований, 5) Лингвистическая семантика. Обсуждение этих тем было продолжено и на секционных заседаниях.

Конференцию открыл акад. В. И. Боровский, посвятивший свое вступительное слово соотношению теории и практики в советском языкознании. Органическое единство теории и практики характерно для советского языкознания на всех этапах его развития. Языковеды нашей страны работали над созданием и реформированием алфавитов для бесписьменных и младописьменных языков. В настоящее время много занимаются разработкой общественно-политической и научно-технической терминологии. Большое развитие получило издание словарей, подготовка учебников для средней и высшей школы, популяризация научных знаний о языке в научно-популярных книгах, журналах, по радио и телевидению. Обширны и важны задачи, стоящие перед нашей наукой в эпоху научно-технической революции, неуклонного роста культуры советского народа.

В коллективном докладе «Основные проблемы марксистского языкознания» В. Н. Ярцевой, Г. В. Колшанского, Ю. С. Степанова, А. А. Уфимцевой (Москва) отмечалось, что из многочисленных аспектов исследования языка в настоящее время

необходимо выделить главный, который можно сформулировать как методологию теоретического языкознания. В современных условиях методология приобретает особую роль как основной критерий оценки и выбора пути исследования. Два главных положения могут рассматриваться как фундаментальные для дальнейшей разработки марксистско-ленинского языкознания — принцип социальной природы языка и принцип неразрывной связи языка и мышления. Развитие теории языка на диалектико-материалистических позициях означает также осмысление конкретной специфики языковых данных, добытых исследователями различных направлений на материале самых разнообразных языков. Настоящий этап в развитии языкознания свидетельствует в пользу того, что должна быть предпринята дальнейшая разработка единой социально-гносеологической теории языка, осмысление накопленных фактов и результатов исследований на основе марксистского определения языка.

Б. А. Серебрянников (Москва) в докладе «О содержании марксистской теории языка» указал, что теория языка должна включать в себя следующие компоненты: основу теории, представляющую известную сумму базисных теоретических положений, теорию познания языковых явлений и теорию лингвистических методов. Теория языка должна обладать большой объяснительной силой, служить компасом в лингвистических исследованиях и быть мощным орудием борьбы против антимарксистских теорий в языкознании. Развитие теории невозможно без всестороннего и повседневного изучения самого объекта лингвистической науки — языка.

А. С. Чикобава (Тбилиси) в докладе «О философских вопросах языкознания» отметил, что в теории любой науки основными являются проблемы: а) предмета науки, б) специальных методов, используемых для изучения данного предмета, в) отраслевого членения содержания науки и г) ее места в системе других наук. В понимании этих основных проблем в современной лингвистике наблюдается исключительный разрыв. Это касается таких вопросов, как основные функции языка, язык и речь, их взаимо-

отношения, системность языка и природа языкового знака, знак и сущность значения, система языка и его история, развитие языка, единицы языка и аспекты их изучения, индукция и дедукция, их соотношения в лингвистических теориях, место языкознания в системе наук.

А. С. М е л ь н и ч у к (Киев) выступил с докладом «Философские проблемы языкознания»¹.

В докладе Г. В. К о л ш а н с к о г о (Москва) «Структура языка в гносеологическом аспекте» подчеркивалось, что одним из кардинальных в лингвистической науке является вопрос о соотношении индивидуального характера речепроизводства, субъективной стороны языка и его интерсубъективного качества как всеобщего средства коммуникации. Известное решение вопроса о соотношении индивидуального и общественного у последователей Соссюра было односторонним. Суть проблемы заключается не в исследовании социально-психологической стороны языка, а в гносеологическом обосновании объективного характера закономерностей строения и функционирования языка. Глубинные свойства структуры языка являются постоянной детерминантой любого языка. Всеобщий характер глубинной структуры языка есть проявление всеобщего, единого характера отражательной способности человеческого сознания.

В. З. П а н ф и л о в (Москва) выступил с докладом «Отражательная функция естественных языков и проблема языкового знака»².

В. А. А в р о р и н (Ленинград) в докладе «О предмете социальной лингвистики» отметил, что выделение социолингвистики как особого относительно самостоятельного направления в науке о языке не только возможно, но и вполне оправдано³.

В докладе Р. А. Б у д а г о в а «Некоторые особенности языка в эпоху научно-технической революции» рассматривалась связь языка с уровнем культурного и технического развития общества. Научно-техническая революция воздействует на такие три (из множества других) лингвистические проблемы, как научная терминология, формализация языка и особенности его структурных функций. Вместе с тем в эпоху научно-технической революции, как и на протяжении всей предшествующей истории, естественные языки остаются языками прежде всего человеческими, со всеми вытекающими по-

следствиями: органической многозначностью слов, полифункциональностью грамматических категорий, постоянными историческими изменениями любой синхронной системы языка и т. д.

И. К. Б е л о д е д (Киев) в докладе «Функционирование языков народов СССР в условиях расцвета социалистических наций» говорил о сложившейся в языковой жизни социалистических наций и народностей СССР практике гармонического двуязычия, при котором языки народов СССР сочетают свои функции с функциями общего языка межнационального общения и единения народов СССР⁴.

Ф. П. Ф и л и н (Москва) в докладе «Литературный язык как историческая категория» показал, что литературный язык — явление сложное, комплексное. Его нельзя определять только по одному какому-либо, пусть и весьма существенному признаку. Письменное оформление, относительная устойчивость норм, тенденция к объединению, совместимости разных типов речевого общения, надидиалектность, обслуживание государственных, культурных и иных потребностей общества — одно связано с другим. Выявление общих всем литературным языкам признаков, сравнительно-типологическое их изучение в синхронном и диахронном аспектах приведет к более глубокому пониманию своеобразия каждого из литературных языков в их истории и современном состоянии. В то же время будут более ясными существенные отличия между литературными языками эпохи нации и донационального периода.

Выступивший с сообщением «Основные направления зарубежной социолингвистики» А. Д. Ш в е й ц е р (Москва) обратил внимание на ограниченность перспектив рассматриваемых направлений, определяемую их общей методологической ориентацией, на отсутствие единой точки зрения у зарубежных ученых на предмет социолингвистики.

Т. В. Г а м к р е л и д з е (Тбилиси) выступил с докладом «Лингвистическая типология и диахроническая лингвистика». По мнению докладчика, в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании до последнего времени достаточно строго не учитывались типологические критерии лингвистической вероятности постулируемой исходной языковой системы, что приводило к реконструкции языковых структур, маловероятных с типологической точки зрения. Это касается в первую очередь системы индоевропейских смычных. Приведение системы смычных в соответствие с данными языковой типологии заставляет пересмотреть традиционно реконструируемую систему индоевропейских смычных.

⁴ Доклад И. К. Белодёда будет опубликован в одном из ближайших номеров «Вопросов языкознания».

¹ Доклад будет опубликован в одном из ближайших номеров «Вопросов языкознания».

² Доклад В. З. Панфилова опубликован в «Вопросах языкознания», 1975, 3.

³ Доклад В. А. Аврорина будет опубликован в одном из ближайших номеров «Вопросов языкознания».

В докладе В. Н. Ярцевой (Москва) «Типология языков и проблема универсалий» рассматривались принципы и методы типологического исследования, а также его отличие от других форм анализа языкового материала. При типологическом сравнении языков различия между ними могут проявиться 1) в приемах передачи сходных значений, 2) в типологии построения самих систем грамматических или иных значений. Второй план сравнения оказывается наиболее перспективным для выяснения общих законов развития содержательной стороны языковых явлений. Рассмотрение универсалий в пределах только одного языкового уровня чревато опасностью сведения их только к грамматическим или иным категориям. Однако игнорирование форм выражения универсалий может привести к их отождествлению с «чистыми» понятиями.

М. М. Гухман (Москва) в докладе «О содержании и задачах исторической типологии» отметила, что конечной целью исторической типологии является установление диахронических констант, обладающих большей или меньшей обязательностью. Особое значение для теории языка и для исторической типологии имеет вопрос о возможности и закономерностях трансформации целостных языковых систем. Системный подход к выделению диахронических констант — дело будущего, но только он даст прочную базу структурной исторической типологии.

Г. А. Климов (Москва) сделал сообщение на тему «К понятию языкового типа». Понятие языкового типа остается центральным для современной лингвистической типологии. Практика типологических классификаций показывает необходимость различения формальных и контентивных языковых типов. Контентивные типы, в отличие от формальных, способны охватывать широкие совокупности разноуровневых явлений, мотивированных глубинными структурами, что делает их разработку более перспективной.

Т. С. Шарадзендзе (Тбилиси) посвятила свое сообщение теме «Типологическое изучение языков в синхронном и диахронном плане». На повестке дня стоит разработка лингвистических методов для всестороннего типологического изучения языков. Типологическое сравнение языков требует восполнения диахроническими исследованиями.

В докладе Г. Б. Джаняна (Ереван) «О принципах построения универсальной лингвистической модели» развивалась мысль о том, что главной задачей общей теории языка должно быть построение универсальной лингвистической модели и определение условий ее реализации в языках мира. Универсальная лингвистическая модель должна быть максимально экономной, единой и пол-

ной, т. е. охватывающей язык во всех его проявлениях.

В докладе Э. А. Макаева (Москва) «Соотношение сравнительного и общего языкознания» говорилось о том, что современный этап сравнительного языкознания характеризуется синтезированием различных методов исследования, нашедших применение в общем языкознании. Однако специфика сравнительного языкознания ограничивает использование некоторых приемов лингвистического анализа, заявивших о себе в разных направлениях общего языкознания середины и второй половины XX в.

Ю. С. Степанов (Москва) в докладе «Проблема общего метода современной лингвистики» указал, что общий метод лингвистики существует в двух видах — содержательном и формализованном. Содержательный вид общего лингвистического метода совпадает с «филологическим кругом», а формализованный вид представляет собой гипотетико-дедуктивный метод. Путь к устранению недостатков общего лингвистического метода пролегал через развитие общей теории языка и во многом остается в настоящее время еще не выполненной, перспективной задачей.

С. Д. Кацинельсон (Ленинград) в докладе «О грамматической семантике» охарактеризовал качественные различия между грамматической и лексической семантикой. К проблеме разграничения грамматических и собственно лексических значений лучше всего подойти со стороны предложения. Функциональные различия между двумя типами значения отражаются также в их внутренней структуре. Вычленение категорий грамматической семантики невозможно без учета сложных и противоречивых отношений между формой и содержанием в языке.

В докладе А. А. Уфимцевой (Москва) «Проблемы значения при исследовании знакового аспекта языка» развивался тезис о том, что естественный язык представляет собой семиотическую систему с двойной структуризацией и двойным «означиванием» ее элементов. Отсюда семиотическая теория должна рассматривать язык как систему и язык как речь.

В докладе Н. Ю. Шведовой (Москва) «О значениях единиц разных уровней языка» рассматривались категориальные и конкретные значения и их соотношения на разных уровнях языковой структуры. По мнению докладчика, категориальные и конкретные значения языковых единиц различаются как по характеру абстракции, так и по своему языковому статусу. Как сами эти значения, так и их соотношения у единиц, принадлежащих к разным уровням языка, обнаруживают такие внутренние расхождения, которые служат объективным основанием для выявления реально существующих внутрисистемных противопоставлений.

Выступивший с сообщением «О семантической относительности языковых единиц» В. Г. Г а к (Москва) полагает, что отрицание относительного, подвижного характера связи между означаемым и означаемым ведет к отрыву коммуникативной функции языка от экспрессивной функции, функции отображения. Относительный характер семантической стороны отражает диалектическое единство объекта и субъекта познания.

В сообщении А. В. Б о н д а р к о (Ленинград) «Проблемы лингвистической семантики» говорилось о соотношениях двух уровней лингвистической семантики — глубинного и поверхностного. При выделении разных типов лингвистической семантики необходимо искать различия в самом плане содержания, прежде всего в характере его структурной организации.

По проблематике, вынесенной на обсуждение пленарных заседаний, были прослушаны выступления В. В. Акуленко (Харьков), П. М. Багова (Нальчик), Л. С. Бархударова, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Н. А. Слюсаревой, В. М. Солнцева (Москва), В. А. Лисицкого, З. Д. Поповой (Воронеж), А. Нойберга, А. Ноймана (ГДР), М. В. Мачавариани (Тбилиси), В. М. Павлова (Ленинград).

Доклады, сообщения и выступления на пленарных заседаниях вызвали оживленную дискуссию. В ней приняли участие Л. И. Баранникова (Саратов), С. Г. Бережан (Кишинев), А. Г. Волков, М. М. Гухман, В. К. Журавлев, Вяч. В. Иванов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Ф. П. Филин, И. А. Хабаров, Н. С. Чемоданов, А. Я. Шайкевич, О. С. Широков (Москва), Б. Н. Головин (Горький), Л. Деже (ВНР), А. В. Десницкая (Ленинград), А. С. Чикобава (Тбилиси), Г. Фойдель (ГДР) и др.

На заседаниях секции социалингвистических проблем языка и теории литературных языков обсуждались задачи социалингвистики и ее понятийный аппарат. А. Д. Ш в е й ц е р (Москва) предложил определения понятий единой социально-коммуникативной системы языкового коллектива, стратификационной (социально обусловленной) и ситуативной вариативности, социалингвистических переменных, для выбора которых существенно различие статуса участников коммуникативного акта и их ролевых отношений, понятие социалингвистической установки. В. А. И ц к о в и ч и Б. С. Ш в а р ц к о п ф (Москва) подчеркнули значение речевой практики, определяющей соответствие кодификации современной языковой норме, указали на соотношение объективного и субъективного факторов в нормализаторской деятельности. Н. Н. С е м е н ю к (Москва) рассмотрела функционально-стилистическую диф-

ференциацию литературного языка в качестве одного из видов социалингвистического варьирования. В. Д. Б о н д а л е т о в (Пенза) дал классификацию социальных диалектов в их отличиях от территориальных говоров и разновидностей литературного языка в зависимости от их социальной функции и характера лексико-понятийной системы. А. П. Ф е о к т и с т о в (Москва) на материале языков народов СССР охарактеризовал проблемы периодизации истории литературного языка.

В выступлениях Т. П. Ильяшенко (Кишинев), И. Е. Гальченко, Х. А. Токазова (Орджоникидзе), В. А. Сенкевича (Магнитогорск), К. Х. Ханазарова, А. А. Дарбеевой, В. Ю. Розенцвейга, А. Н. Иванова, Л. Б. Никольского (Москва), Р. Р. Каспранского (Горький), В. Е. Гольдина, Л. И. Баранниковой (Саратов), М. Закиева (Казань), С. С. Линского (Днепропетровск), Н. Г. Самсонова (Якутск), Б. И. Ваксмана (Калинин), Т. А. Тарасенко (Одесса), П. Ондруса (Братислава) и др. с различных сторон характеризовались лингвистические ситуации в республиках, краях и областях СССР и зарубежных странах, обсуждались актуальные проблемы развития литературных языков и их функциональных стилей, деятельности языковедов в области нормализации и культуры речи.

Секция сравнительно-исторического языкознания и ареальной лингвистики имела две подсекции. На заседании по проблемам ареальной лингвистики Н. З. Г а д ж и е в а (Москва) на материале тюркских языков показала возможности системной реконструкции языковых архетипов с помощью сравнительно-исторического метода, внутренней реконструкции и приемов ареальной лингвистики. М. А. Б о р о д и н а (Ленинград) охарактеризовала задачи ареалогии как учения о пространственном размещении языковых явлений и о закономерностях их развития. В выступлениях А. В. Десницкой (Ленинград), Д. И. Эдельман, Г. Ф. Благовой, Л. А. Покровской (Москва) и др. были освещены различные вопросы теории и практики лингвистической географии, интерпретации данных, получаемых в результате ареальных исследований.

На заседании подсекции сравнительно-исторических исследований был прослушан доклад В. И. Г е о р г и е в а (София), связавшего происхождение именной и глагольной флексии в индоевропейских языках с сочетанием двух самостоятельных элементов по схеме «корень + лексически самостоятельная единица». Эта единица с течением времени подвергается десемантизации, становится служебным словом и, наконец, элементом флексии; значительная роль в этом процессе отводится ларингалам. А. А. Б е

л е ц к и й (Киев) говорил о значении реконструкции словообразовательных парадигм в этимологических исследованиях. Доклад А. Н. Кононова (Ленинград) был посвящен таким способам образования корневых и аффиксальных морфем в тюркских (геср. алтайских) языках, как фузия, гиперагглютинация и соположение слов. В коллективном докладе Л. В. Дмитриевой, В. Д. Колесниковой, К. А. Новиковой, В. И. Цинциус (Ленинград) на материале алтайских языков была предложена тематическая и семантико-морфологическая (по гнездам) разработка словарных данных в качестве исходных приемов сравнительно-исторического изучения лексики. А. А. Королев и В. П. Нерознак (Москва) подчеркнули важность для индоевропеистики изучения относительно изолированных языков: фригийского, мизийского, фракийского, мессапского, венетского, сабелло-лацинского и др., относящихся к архаическому письменному периоду. А. Е. Супрун (Минск) высказался за соединение сравнительно-исторического исследования с типологическим анализом, что дает возможность при реконструкции грамматических явлений восстанавливать не только план выражения, но и план содержания.

В дискуссии приняли участие также Б. А. Серебrenников, Вяч. В. Иванов, Э. Г. Туманян (Москва), Т. А. Гурьев (Орджоникидзе).

Заседания секции теории грамматики привлекли внимание наибольшего числа участников конференции. Е. И. Шендельс (Москва) предложила классифицировать грамматические оппозиции по признакам их количественной и смысловой характеристик, а также дистрибуционных возможностей. Коллективный доклад Л. А. Бирюлина, И. Б. Долининой, Н. А. Кошинецовой, Е. Е. Корди, В. П. Недялкова, М. А. Смирновой, А. А. Холодовича и В. С. Храковского (Ленинград) был посвящен глагольным формам с возвратным и взаимным значением. М. А. Кумахов (Москва) показал локальный и вторичный характер категории отчуждаемой (неотчуждаемой) принадлежности в западнокавказских языках, что опровергает теорию ее архаичности. Е. М. Вольф (Москва) охарактеризовала влияние контекста на семантику местоименных групп. О. И. Москальская (Москва) говорила о формализации смысловой структуры предложения (его семантической модели). Е. В. Гулыга (Москва) посвятила свой доклад проблеме модальности предложения, зависящей от семантики высказывания, в частности, от позиции говорящего, его отношения к ситуации. Т. Б. Алисова (Москва) объяснила колебания в оформлении субъекта кон-

струкции с неактивным предикатом его семантической (функциональной) близостью к объекту действия. По мнению Л. М. Ковалевой (Иркутск), существует парадигматика предложений на основании изменения отношений между глаголом и именами, т. е. переходности — непереходности глагола. Н. Д. Арутюнова (Москва) обратилась к различию семантических характеристик подлежащего, реализующего в предложении свое денотативное значение, и сказуемого с его сигнификативным содержанием. О структурно-лексической основе предложения, понимаемого в качестве номинативно-коммуникативной единицы, говорил Б. А. Абрамов (Москва). И. П. Сусов (Тула) выделил три уровня семантической структуры предложения.

Основная дискуссия развернулась вокруг таких вопросов, как значение в грамматике, грамматическая категория, теория словосочетания, понятия так называемого семантического синтаксиса. Выступили: З. И. Керашева (Майкоп), Э. Ш. Генюшене (Вильнюс), Е. А. Иванникова (Ленинград), Г. В. Судаков (Вологда), З. Г. Абдуллаев (Махачкала), А. М. Ломов (Воронеж), В. Ф. Егоров (Калуга), М. Я. Блох, М. Д. Потапов, Н. Ф. Иртеньева (Москва), Ю. А. Левицкий (Пермь), Н. Н. Арват (Черновцы) и др.

В подсекции теории словообразования был прослушан доклад Е. С. Кубряковой (Москва) о самостоятельности объекта словообразовательного анализа и связи словообразования с другими лингвистическими дисциплинами. Доклад И. С. Улуканова (Москва) был посвящен системности словообразования. В. В. Лопатин (Москва) говорил о значении словообразовательного аффикса и способах формулирования этого значения. Теоретическим и практическим вопросам изучения гнезда слов были посвящены доклады А. Н. Тихонова (Самарканд) и Г. С. Зенкова (Фрунзе); Н. А. Соболева (Москва) сообщила о составлении гнездовых словообразовательных словарей для ряда языков. В дискуссии приняли участие М. Д. Степанова, В. Н. Шевчук (Москва), Р. С. Манучарян (Ереван) и др.

В подсекции теоретических вопросов словосочетания Т. А. Тулина (Одесса) рассмотрела словосочетание как обладающее сложной смысловой структурой синтаксическое образование, по своей функции более близкое к высказыванию, чем к слову. Доклад В. Д. Аракина (Москва) был посвящен исследованию атрибутивных словосочетаний в индоевропейских, тюркских и австронезийских языках в связи с типологической классификацией. Е. В. Падучева (Москва) говорила об употреблении не входящих в словосочетания слов *тоже* и *также*.

В. С. Ю р ч е н к о (Саратов) рассмотрел динамический аспект проблемы словосочетания. На заседании выступили А. Н. Печников (Ульяновск), В. И. Чуглов (Вологда), Ю. В. Фоменко (Новосибирск), Б. Ю. Норман, В. Н. Билан (Минск) и др.

На заседании секции теории лексикологии и лексикографии состоялись острые дискуссии, в частности, по докладу Р. С. Гинзбург (Москва), посвященному критике таких терминов, как «фразеологическое значение» и «словообразовательное значение». О. Н. Селиверстова (Москва) предложила определить значение как знаковую информацию, передаваемую через означающее языкового знака и получаемую любым носителем данного языка. Э. С. Азнаурова (Ташкент) на материале английского языка рассмотрела стилистическое значение в качестве компонента семантической структуры слова. С. Г. Бережан (Кишинев) говорил о необходимости при научном анализе лексико-семантических отношений проводить последовательные разграничения, основанные на учете антиномий: языка и речи, парадигматики и синтагматики и др.

Ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам фразеологии. А. В. Кунин (Москва) выступил с обоснованием выделения фразеологии в особую лингвистическую дисциплину, раздел общего языкознания. О принципах и объекте этой дисциплины как учении о сочетаемости слов говорил также М. М. Копыленко (Алма-Ата). Одним из универсальных языковых процессов назвала В. Н. Телля (Москва) несвободную сочетаемость слов, исследование которой необходимо вести в коммуникативно-функциональном аспекте. Особенности фразеологически связанного значения слова, проявляющиеся в воспроизводимом (немоделируемом) сочетании, были отмечены в докладе Е. Н. Толикиной (Ленинград). В. Д. Ушаков (Москва) предложил ввести понятия семасиологической идиоматичности, порождаемой специфическим функционированием означающего, и ономасиологической идиоматичности, связанной с передачей означаемого.

Проблемам лексикографии было посвящено специальное заседание секции, на котором Н. З. Котелова (Ленинград) показала возможность различных способов лексикографического описания для характеристики лексической системы с учетом системности соответствующих внеязыковых объектов. И. Р. Гальперин (Москва) посвятил свой доклад таким нерешенным проблемам двуязычной лексикографии, как раскрытие глубины семантической структуры слова, иллюстрирование статей цитатным материалом и др. Р. П. Рогожникова

(Ленинград) остановилась на отдельно оформленных единицах (*то есть, вряд ли, несмотря на и под.*) как объекте описания в толковом словаре русского языка. И. Н. Шмелева (Ленинград) охарактеризовала трудности создания номенклатуры стилистических помет для общего словаря русского литературного языка.

На заседаниях секции выступили также Л. В. Малаховский, В. Н. Цыганова, В. П. Берков, Б. И. Игнатьев, А. Е. Карпович, В. М. Перерва (Ленинград), Л. А. Курицина (Кострома), А. К. Алекперов (Баку), Л. А. Черезова (Одесса), В. С. Виноградова, В. И. Шаховский (Волгоград), А. С. Юханов (Донецк), В. Б. Синюк (Чарджоу), Т. З. Черданцева, Д. Н. Шмелев (Москва) и др.

На заседаниях секции теории фонологии и обсуждались главным образом две темы: основные единицы фонологии и морфонологии и содержание морфонологических исследований. В. Б. Касевич (Ленинград) охарактеризовал понятие оппозиции как отношения фонем (абстрактных объектов) в системе и указал на невозможность его применения при характеристике элементов речевой цепи. В. Я. Плоткин (Кишинев) предложил определения основных единиц фонологии: дистинктора (вместо традиционного «различительный признак»), фонемы и слога. М. В. Раевский (Тула) также подверг критике применение термина «различительный признак» и настаивал на употреблении предложенного Н. С. Трубецким термина (и понятия) фонологически релевантного признака. И. Г. Меликишвили (Тбилиси) охарактеризовала структуру дистинктивных признаков фонемы и их функционирование. О. С. Широков (Москва) предложил изучить возможность определения набора единых различительных фонемных признаков в рамках теории вариантов и вариаций фонем. В. А. Виноградов (Москва) говорил о типологии фонологических нейтрализаций на мерисматическом уровне. А. А. Реформатский (Москва) рассмотрел существующие определения морфонологии и единиц морфонологического анализа, принадлежащих фонологии и морфологии. Т. В. Булыгина (Москва) говорила о необходимости установления характера обусловленности морфонологических чередований и понятии морфонемы.

В дискуссии приняли участие С. А. Барановская, И. Г. Торсуева (Москва), С. И. Стапевич (Донецк), Л. В. Быстрова, В. В. Левицкий (Черновцы), Мати Хинт (Таллин) и др.

Заседания секции теоретических аспектов прикладного языкознания, язык в эпоху научно-технической революции и показали значительные разногла-

сия во взглядах участников конференции на основные цели и ближайшие задачи прикладной лингвистики. В докладах Вяч. В. Иванова и И. А. Мельчука (Москва) излагались задачи создания языка формальной записи смысла текста, в зависимости от решения которых были поставлены все практические разработки, в том числе и машинный перевод. В докладах Р. Г. Пировского (Ленинград) и Р. Г. Котова (Москва) были поставлены вопросы, связанные с решением актуальных задач инженерной лингвистики и лингвистического обеспечения проектируемой Государственной системы вычислительных центров. Е. К. Гусева (Москва) затронула проблему соотношения семиотических и кибернетических систем. Доклад Б. Н. Головина (Горький) был посвящен особенностям языка науки. А. В. Гладкий (Калинин) указал на необходимость включения математической подготовки в систему лингвистического образования и желательность «гуманизации» преподавания некоторых вопросов математики.

На заседаниях секции выступили также А. Н. Клюкин, Л. Л. Нелюбин, Н. Н. Леонтьева, А. Я. Шайкевич, Ю. С. Мартемьянов (Москва), Л. Н. Загорина (Ленинград), В. А. Федосов (Волгоград), Н. О. Шенгелая (Тбилиси), В. Н. Мороз (Ташкент) и др.

Состоявшийся на конференции обмен мнениями по теоретическим вопросам языкознания был бесспорно полезен для дальнейшего развития советского языкознания. В ходе дискуссии выявились некоторые основные тенденции развития современного языкознания. На конференции подчеркивалась важность изучения содержательной стороны языка, исследования языковой структуры в широком плане как с синхронной, так и с диахронной точек зрения. Наряду с дальнейшим углублением анализа философских проблем языкознания, вопросов общественной природы и функционирования языка в обществе, типологии языка, лингвистической семантики и методов лингвистических исследований на конференции признано необходимым усиление разработки ряда других направлений советского языкознания, в частности сравнительно-исторического изучения языков народов СССР.

На заключительном пленарном заседании В. И. Боровский отметил, что обсуждение актуальных вопросов теоретического языкознания явилось подведением итогов теоретической работы советских лингвистов и новым стимулом дальнейшей разработки теории марксистского языкознания.

Существенным недостатком конференции явилась чрезмерная перегруженность повестки дня докладами и сообщениями, что не позволило в полной мере развер-

нуть творческую дискуссию по наиболее важным проблемам теоретического языкознания и дать должную оценку высказанным взглядам и соображениям.

В. Я. Дерягин, М. А. Кумаров (Москва)

*

11—16 октября 1974 г. в пригороде Бостона Кембридже и местечке Амерст, штат Массачусетс, проходила первая советско-американская конференция «Новейшие теоретические и методические разыскания и преподавание русского языка в колледжах и университетах США». Конференция была подготовлена и проведена оргкомитетом под председательством профессоров Р. Брехта (Гарвардский ун-т) и Д. Дэвидсона (Амерстский колледж), по инициативе и при поддержке Гарвардского, Колумбийского, Принстонского и Вирджинского университетов, Массачусетского технологического института и других ведущих вузов США при активном участии советского Института русского языка им. А. С. Пушкина.

Конференция вызвала очень большой интерес: в ней участвовало около 500 американских русистов, советская делегация и гости из Австралии, Канады, Мексики и Швеции. Было прочитано 67 докладов и сообщений; работа проводилась по секциям в соответствии с аспектами языка и методики, но заседания секций проходили последовательно и все желающие могли участвовать в работе всех секций. Доклады были сгруппированы так, что после каждых четырех докладов было время для свободной дискуссии, в которой всего приняло участие свыше 100 человек. Тезисы основных докладов были опубликованы брошюрой на ротаторе, и многие докладчики разложили свои доклады в виде «препринтов» и раздали их слушателям. Полностью материалы конференции предполагается опубликовать отдельным томом в 1975 г.

В своем приветствии участникам конференции президент МАПРЯЛ акад. М. Б. Храпченко выразил надежду, что в обстановке международной разрядки и укрепления советско-американских отношений изучение русского языка в США поднимется на новую ступень. Конференция вполне подтвердила эту надежду как своим масштабом, так и высоким научным уровнем, которому способствовало участие в ней таких видных американских ученых и педагогов, как К. Досон, Ч. Таунсенд, М. Халле, Х. Лант, М. Шапиро и др. На конференции обсуждались первые результаты работы совместного советско-американского авторского коллектива по написанию

серии учебников русского языка для колледжей и университетов США; с большим успехом прошел показательный урок по материалам учебника первого года из этой серии. Члены советской делегации, выступившие с докладами по важнейшим вопросам лингводидактики, провели также шесть практических занятий типа семинаров (американцы называют их «мастерскими» — work-shops). Советский вклад в работу конференции был весьма заметным и вызвал высокую оценку всех участников.

Конференция обсудила практически все лингвистические и методические проблемы, признающиеся актуальными в преподавании русского языка. Характерно при этом внимание к ряду проблем, не казавшихся сложными при изучении русского языка и обучении ему в среде его носителей: настойчивый поиск формальных критериев для определения смысла с использованием трансформационных операций, попытки выведения инвариантов значения на разных уровнях языковой системы и правил синтеза их формальных показателей и т. п. Если в выдвигении этих проблем можно усмотреть влияние господствующих общезыковедческих идей, а не только давление практического восприятия русского языка через призму английского, то в широком и остром обсуждении проблемы основы глагола, соотношения времен в частях сложного предложения и в целом тексте и т. п. повинно, несомненно, второе. Это было заметно при обсуждении вида, времени, модальности, префиксации глаголов, безличных предложений, порядка слов, актуального членения, лексико-семантических групп, стилистики, морфологии, фонологии, интонации, ритма и акцентуации. Иными словами, конференция наглядно показала, что широкое изучение русского языка в нерусской языковой среде не только ставит утилитарно-педагогические проблемы, но стимулирует новый, своеобразный подход к научному описанию русского языка в целом, к решению общетеоретических задач «большой лингвистики».

Конференция показала, что лингвистика и собственно методика в сфере преподавания русского языка имеют явную тенденцию все больше смыкаться и индустрировать друг друга. Примером может служить обсуждение проблем лингвострановедения, вовлекающего в обсуждение еще и данные культуры, истории, социологии. Из собственно методических наибольший интерес, кроме общих вопросов, вызвали проблемы чтения и отбора материалов для чтения, аудирования и разговорной речи, перевода. Остро обсуждались принципы строения современного учебника русского языка с учетом деления курса обучения на начальный, промежуточный и продвинутый этапы, границы которых часто совпадают с годами

обучения в колледжах и университетах: первым, вторым и третьим. Самое понятие «учебника» все больше тяготеет к пониманию его как комплекса разных средств, а не только и не столько просто книги: звуковые приложения, слайды и т. п.

Комплекс методических докладов (Дж. Огера — ун-т штата Вашингтон, Д. Дэвидсон — Америкетский колледж, Л. Хайен — Гавайский ун-т, Н. Баранова — Гарвардский ун-т, Л. Полушкина — Куинс-колледж, Дж. Холбрук — Военное училище в Уэст-Пойнте и многие другие), с одной стороны, отражает круг проблем, общий как для советской, так и для американской методики преподавания русского языка как иностранного: минимизация и «регуляризация» языка, коммуникативно-ситуативная ориентация учебного процесса, концентрически-постепенное изучение языковой системы и т. д.; с другой стороны, он свидетельствует о любопытных расхождениях в постановке акцентов за пределами этого общего круга проблем, а именно: американские методисты проявляют повышенный интерес к морфологии, морфологии и словообразованию, т. е. к тем областям, в которых пролегает наиболее резкая типологическая граница между русским и английским языком. Не без влияния методики преподавания английского языка как иностранного (работы Ч. Фриза, Р. Ладо и др.) в советской методике преподавания русского языка как иностранного была преувеличена роль синтаксических моделей, синтаксиса вообще, в то время как американские методисты-русисты напоминают нам о центральном положении слова в структуре русского языка с его разветвленной морфологией и относительно свободным порядком слов.

В докладе О. П. Рассудовой (Институт русского языка им. А. С. Пушкина) о категории вида излагалась концепция асимметричности видовой оппозиции, активного участия категории вида в формировании семантики высказывания и зависимости вида от контекста. Докладчику представляется эффективным связывать вид с определенным набором контекстов, каждый из которых может служить образцом для продуцирования большого количества конкретных высказываний. Видо-временным формам русского глагола и применению одноосновного метода Р. О. Якобсона и семантического метода Ю. С. Маслова был посвящен доклад В. Гребенщикова (Карлтонский ун-т). В докладе Р. Брехта (Гарвардский ун-т) говорилось об употреблении глагольных времен в тех предложениях, в которых в английском языке действует правило «согласование времен». При обсуждении этого доклада выяснилось, что описание одних и тех же соответствий в употреблении времен для

англичан и американцев, изучающих русский, и для русских, изучающих английский язык, имеет глубокие и принципиальные лингвистические различия. В докладе Л. Крофта (ун-т штата Аризона) анализировалась в контрастивном плане категория модальности. Автор не пользовался термином «функционально-семантическая категория», введенным А. В. Бондарко. Л. Крофт рассматривает грамматическую категорию наклонения, модальные слова (modal words): *безусловно, небось, мол, дескать, явно* и под., модальные вспомогательные элементы (modal auxiliaries): *мочь, следовать, нужно, надо, можно, нельзя* и под. в единой системе функционально-семантических (по существу) координат.

В докладе Л. Ньюмана (ун-т штата Огайо) от категории лица отделяется (как это обычно делается) 1 и 2-е как особая категория, противопоставляемая категориям 3-го лица. В докладах Р. Шупбаха (Стэнфордский ун-т), Д. Хэнсона (Брандесский ун-т), М. Флаяера (Калифорнийский ун-т), Д. Судаковой (Индианский ун-т) рассматривались различные стороны глагольной префиксации с учетом работ Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и др. Эти доклады носили очень частный, скорее чисто лексикологический, чем лексико-грамматический обобщенный характер. Хотя понятие способа действия (Aktionsart) и фигурировало в них, тем не менее сколько-либо широкие обобщения отсутствовали ввиду ограниченности обследованного материала.

В докладе К. Нэйлора (ун-т штата Огайо) на основе противопоставления форм типа *три интересных часа* и (*после*) *этого интересного часа* делается вывод о наличии в русском языке особой «квантификативной» падежной формы, отличной от формы род. падежа ед. числа. Доклад А. Тимберлейка (Калифорнийский ун-т в Лос-Анджелесе) был посвящен анализу род. падежа при отрицании. Автор утверждает, что эта особенность глагольного управления как обязательное грамматическое правило уходит из современного русского языка, лексикализуется.

Горячо обсуждались вопросы синтаксиса. Доклад С. Уэйлена (Торонтский ун-т) о безличных предложениях основывался на модели Филлмора, различающей, с одной стороны, общие для ряда языков глубинные отношения синтактико-семантических ролей, обозначаемых как: предикаторы, лицо-предмет, испытывающий действие (experiencer), лицо-предмет, в интересах которого совершается действие (designative), объект, место и время, и, с другой стороны, цепочки словформ в поверхностной структуре, синтаксические роли (значения) которых — такие, как: безличный глагол или глагол в личной форме, лицо (дея-

тель) в дат. падеже, различные способы выражения обстоятельств места и времени и т. п., — которые являются характерными только для одного языка (например, русского) и по-другому выражаются в английском (при идентичности глубинных отношений для обоих языков). В этом докладе оставалось проблематичным следующее: поймет ли студент тонкие различия синтаксических вариантов личного и безличного предложений (*Вода залила подвалы; Водой залило подвалы*), даже если он овладеет формальным аппаратом установления соответствий в глубинной структуре? В этой связи доклад Н. А. Лобановой (МГУ) о лингвистическом эксперименте как средстве семантической дифференциации вариантных синтаксических структур (*Документы не были обнаружены; Документов не было обнаружено, Памятники не сохранились; Памятников не сохранилось*), не использующий понятия глубинной структуры и применяющий только контекстные видоизменения в поверхностной структуре (лингвистический эксперимент в понимании А. М. Пешковского и Л. В. Щербы, или элементы трансформационного анализа в современном смысле), по стечению обстоятельств оказался противопоставленным модели Филлмора, применяемой С. Уэйлен, и по существу дал более простые, обзримые и понятные правила с большой объяснительной силой.

Доклад Ж. Ганделя (ун-т штата Огайо) о наречиях *тоже* и *также*, опирающийся на актуальное членение предложения, и доклад Г. А. Битехтиной (МГУ) о наречиях *очень, много, сильно, тяжело* и под., оперирующий понятием лексико-синтаксической сочетаемости, еще раз показали принципиальную возможность различных решений синтаксических проблем. В частности, участники дискуссии указали на возможность лексического решения вопроса о наречиях *тоже* и *также* без привлечения понятия актуального членения¹. Много споров вызвало сочетание *тяжело работать*, звучащее по-русски очень натянуто и искусственно, не в пример своему английскому прообразу *to work hard*, отличающемуся высокой речевой частотностью и естественностью. Этот спор перерос в интересную дискуссию об объективности

¹ Надо сказать, что на кафедре русского языка для иностранцев гуманитарных факультетов МГУ уже давно правильное употребление слов *тоже* и *также* связывается с особенностями актуального членения высказываний, содержащих эти слова. В таком же плане было построено сообщение Е. В. Падучевой «О словах, не входящих в словосочетания» на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания, проходившей в Москве в ноябре 1974 г. (см.: ВЯ, 1975, 3, стр. 145).

критериев в области лексической сочетаемости слов, об интерференции английского и русского языков в речи русских, проживающих в США, и даже о принципах установления эквивалентов в двуязычной лексикографии.

Дискуссия по синтаксическим вопросам приобрела общетеоретический характер после полемического доклада Е. Н. Чвани (Массачусетский технологический ин-т), называвшегося в тезисах на английском языке «Proceed with caution», что автор, читавшая его по-русски, сама перевела как «Лингвистика — палка о двух концах».

Е. Н. Чвани призывает к большой осторожности при включении приемов и результатов теоретического языкознания в лингводидактику. Это привлечение таит в себе две опасности: 1) современная лингвистика больше всего интересуется универсалиями, которые бесполезны в практике преподавания иностранных языков; 2) современная лингвистика стремится к широчайшим обобщениям, а практика преподавания — к искусственному ограничению материала и к быстрой, хоть и временной систематизации этого ограниченного материала, к систематизации, которая может и не совпасть со «строгим» лингвистическим описанием. Современные синтаксические теории лучше упорядочивают свой материал, но весьма вероятно, что преподавание иностранных языков, в особенности русского, и в будущем будет по преимуществу опираться на морфологию, так как это самое трудное для американского студента.

Докладчик убежден, что дескриптивная лингвистика вообще и трансформационная модель Н. Хомского в частности не являются оптимальными моделями реального психолингвистического процесса практического усвоения иностранного языка. К недостаткам дескриптивизма относятся не допускаемое его адептами смещение уровней и их излишне жесткая иерархизация, пренебрежение к семантике (не только лексической, но и грамматической), ориентация только на текст, увлечение формальной записью лингвистических отношений без какой-либо принципиальной оглядки на естественные возможности рядового носителя языка, атомизация лингвистических единиц в ущерб их интеграционным отношениям и другие.

Участники развернувшейся после доклада Е. Н. Чвани дискуссии указывали также на то, что немаловажную роль играет нетерпимость и агрессивность приверженцев дескриптивизма и трансформационизма в научно-этическом плане, их претензии не на один из возможных путей построения лингвистической теории, а на единственно правильную теорию, причем все конкурирующие с ними теории отвергаются. В этом плане очень характерно звучала также полемика между

М. Шапиро и Х. Лантом и их сторонниками по вопросу понимания существа грамматического анализа и по более общим проблемам.

Эта дискуссия при всей своей остроте относилась, так сказать, к сугубо внутренним делам американской лингвистики. В среде американских лингвистов и педагогов (особенно среди самых молодых) ощущается упрямое противодействие тоталитарным устремлениям дескриптивизма и трансформационизма, хотя, как нам показалось, у этих молодых людей еще нет своей собственной положительной программы. В этой дискуссии приняли участие Е. Н. Чвани, Л. Бэбби, М. Лаунер, А. Тимберлейк, Р. Бейкер, В. Гребенщиков и мн. др. В ходе дискуссии выкристаллизовалось понятие о различных критериях истинности в лингвистике и методике.

Среди других докладов, посвященных синтаксису, интересом было познакомиться с результатами, по-видимому, фундаментального исследования Й. Николс (Калифорнийский ун-т в Беркли) по классификации русских переходных глаголов, тонкое и изящное изложение Э. Клейни (Гарвардский ун-т) лексико-грамматического вопроса о местоимении-частице *себя* (*себе* и т. п.) и частице *-ся*. Доклад Л. Бэбби (Корнелльский ун-т) о недостаточности причастно-депричастных форм у некоторых русских глаголов был выдержан в духе трансформационной модели и в ходе дискуссии был подвергнут критическому разбору М. Лаунером. К чести Л. Бэбби, он не стал доказывать непререкаемость трансформационного метода, а указал на его научно-исторические корни в методике лингвистического эксперимента Кирпичникова, Буслаева, Пешковского и Щербы, заключив: «So I'm not in a bad company» («Не в такой уж я дурной компании»).

Большая часть фонетических докладов была посвящена вопросам ударения и интонации, именно семантике интонации. Речь шла о различных признаках звучащей речи. Неадекватность традиционной таксономической и стандартной генеративной фонологии была показана в докладе У. Дэниэлса (ун-т штата Огайо), который предложил взамен их свою «естественную фонологию», учитывающую особенности русского произношения и его специфические трудности для носителей английского языка. Дж. Лэйк (ун-т штата Массачусетс в Амерсте) в своем докладе проводил мысль о том, что объяснение русского синтаксиса, в частности, порядка слов и актуального членения может быть эффективным только при учете фразового ударения. М. Бенсон (ун-т штата Пенсильвания), Дешембрайн, М. Лаунер (ун-т штата Флорида) и Е. А. Брызгунова (МГУ) говорили о проблемах

интонации, причем Е. А. Брызгуновой пришлось также самой продемонстрировать значения, выражаемые интонацией, и объяснить их на материале лексико-грамматических составов с местоименными и наречными словами (какой, сколько и др.).

По оценке советских специалистов, знакомившихся с материалами конференции, американские доклады по акцентуации, морфологии и альтернативам (М. Коннолли — Бостонский колледж, М. Левин — ун-т штата Массачусетс в Америке, Р. Стил — Гарвардский ун-т, М. Элсон — Гарвардский ун-т, А. Донченко — Миннесотский ун-т, М. Халле — Массачусетский технологический ин-т, Х. Лант — Гарвардский ун-т, М. Шаппро — Калифорнийский ун-т в Лос Анджелесе и др.) не содержат каких-либо принципиально новых и лингводидактических конструктивных идей по сравнению с соответствующими советскими работами. Так, в дискуссии по докладу М. Халле, посвященному русскому ударению, высказывались сомнения о возможности реального использования на практике предложенных правил русского ударения. Правила М. Халле скорее объясняют **передвижение (условия)** ударения. В докладе Х. Ланта по морфологии некоторое упрощение морфонологических правил, изложенных исчерпывающим образом, например, В. А. Редькиным в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970), достигается за счет произвольных пропусков некоторых блоков правил, причем, как правило, из числа наиболее тонких.

Надо сказать, что в преподавании русского языка в США большие надежды возлагаются на одноосновную теорию русского глагольного формообразования, выдвинутую более 25 лет назад Р. О. Якобсоном и переживающую сейчас «второе рождение»². Об этом говорится в докладах Р. Чэпмена (Массачусетский технологический ин-т), Х. Андерсена (ун-т штата Нью-Йорк в Олбани) и В. Гребенщикова (Карлтонский ун-т).

В области лексики и лингвострановедения было сравнительно немного докладов. Р. Биэрд (Бакнелльский ун-т) и Ч. Таунсенд (Пристонский ун-т) говорили о необходимости системного изучения лексики с учетом потенциального словообразовательного словаря, регулярной многозначности, интересной этимологии и т. п. Эти явления должны учитываться в словарных глоссах учебников и книг для чтения, о которых специально говорили П. Фишер (Хьюстонский ун-т в Клизэр Лэйк), Д. Дэвидсон (Амерстский колледж) и П. Н. Денисов (Институт русского языка

им. А. С. Пушкина). К этой группе докладов примыкает и доклад Р. Бейкера (Миддлберский колледж), посвященный проблемам англо-русского перевода на начальном этапе: * *Он шел по улице и превратился в магазин (turned into a shop); * Мы не хотели зацепиться (get stuck) в Лондоне; * У нас в гостиной есть большое пожарное место (fireplace)*. По мнению Р. Бейкера, такие сложные вопросы, как употребление видов или порядок слов, можно освоить только при помощи упражнений в англо-русском переводе. В докладе Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (Институт русского языка им. А. С. Пушкина) был дан краткий обзор проблематики советского лингвострановедения (culture-oriented language teaching). В известном смысле к лингвострановедению можно отнести также доклад И. Уайла (Северо-Западный ун-т), посвященный переводному толкованию поэзии А. С. Пушкина с музыкальным и вокальным сопровождением.

Освещение докладов по обучающим машинам и автоматизации лингвистических исследований (Л. Бернхард — Ратчерский ун-т, Х. Олмстед — ун-т штата Нью-Йорк в Кортланде, Э. Пурселл — Южно-Калифорнийский ун-т, К. Досон — Иллинойский ун-т, Д. Курбурлис — ун-т штата Айдахо, Ф. Инграм — Мичиганский ун-т и мн. др.) потребовало бы слишком много места³. Скажем только, что эти работы опираются на машины четвертого поколения, строятся по принципу: мощный вычислительный центр с практически бесконечной памятью и огромное количество индивидуальных терминалов телефонного или телевизионного подключения. В перспективе имеется в виду создание коммерчески конкурентноспособной общенациональной системы самобразования, опирающейся на сеть вычислительных центров и на каналы телевидения как средства соединения центра с терминалами.

Из технических средств обучения продемонстрировалась, в частности, обучающая система PLATO IV (Programmed Logic for Automatic Teaching Operations), состоящая в принципе из вычислительного центра в Чикаго с большим объемом памяти и удаленных от него на значительные расстояния индивидуальных терминалов, связанных с центром по междугородному телефону. Эти терминалы, напоминающие обычный коммерческий телевизионный приемник, позволяют «пабрать» любой урок курса, прочитать объяснение и выполнить серию упражнений, причем на экране

² R. Jakobson, Russian conjugation, «Word», 4, 3, 1948.

³ См. также статью: C. Curtin [e. a.], Teaching the translation of Russian by computer, «The modern language journal», LVI, 6, Oct. 1972.

возникает ответ «правильно — неправильно».

Первая советско-американская конференция продемонстрировала, что в США серьезно развивается как теоретическая, так и учебно-практическая русистика. Характерно, что значительная часть докладов и свободных дискуссий проходила на русском языке. Конференция дала толчок новым исследованиям, создала реальную основу для регулярных научных контактов советских и американских русистов, обсудив и одоблив ведущуюся уже более года совместную работу над сериями учебников русского языка для университетов и колледжей США. Конференция имела и очевидное общественно-политическое звучание, о чем говорит уже тот факт, что при открытии ее участники приветствовали ответственные представители ряда авторитетных ведомств, в частности Государственного департамента США.

П. Н. Денисов, В. Г. Костомаров (Москва)

*

15—16 января 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (второе занятие постоянно действующего в Институте Семинара по балканистике). Предварительные материалы симпозиума опубликованы отдельной брошюрой, в которой помещен также подготовленный Т. В. Цивьян обзор основных изданий по современной лингвистической балканистике с приложением выборочной библиографии¹.

В докладах, прочитанных на симпозиуме, рассматривались как общие проблемы балканского языкового союза (БЯС) — построение общей грамматической схемы БЯС, критерии типологической характеристики балканских языков, так и более частные проблемы, касающиеся конкретных грамматических схождений в системе БЯС.

Одному из вопросов исторической диалектологии албанского языка в связи с межъязыковой интерференцией был посвящен доклад А. В. Десницкой (Ленинград) «Взаимодействие языков и историческая диалектология (из истории славяно-албанских языковых контактов)». Обнаруживаемое на территории албано-язычного ареала сходство фонетического развития всех гегских и одного изолированного тоскского (ляберийского) гово-

ров в противоположность консерватизму остальной части тоскского диалекта А. В. Десницкая объясняет как результат общих фонетических тенденций, внутренне закономерных для албанского языка. Напротив, своеобразному консерватизму севернотоскского диалектного типа мог способствовать албано-славянский билингвизм, характерный для северной Тоскории в период раннего средневековья. На юго-западе тоскского диалектного ареала в горах Ляберии примесь славянского населения была незначительной, и развитие фонетической системы говора, не задержанное влиянием внешних факторов, шло параллельно развитию гегского диалекта.

Три доклада было посвящено проблеме инфинитива в системе БЯС. М. А. Габ и н с к и й (Кишинев) в докладе «Диакронно-типологические аспекты балканских сдвигов в сфере инфинитива» квалифицировал наблюдаемое в балканских языках возникновение инфинитива из имени действия как частный случай чисто эндогенного в разных балканских языках типа развития, прослеживаемого во многих языках мира. Напротив, утрату инфинитива в балканских языках он считает типологически необычным экзогенным явлением (при принятии субстратно-билингвистического ее объяснения) или, если и эндогенным в одном балканском языке (что сомнительно), то представляющим лишь свой собственный случай (при принятии греческого источника утраты).

В докладе Вяч. Вс. И в а н о в а (Москва) «К типологическому и сравнительно-историческому исследованию инфинитива в балканских и других индоевропейских языках» была подвергнута сомнению теория автохтонного источника утраты (или сокращения) инфинитива в балканских языках. Хотя типологически наличие инфинитива в системе глагола не является обязательным, а в общиндоевропейском единообразный инфинитив отсутствовал, тем не менее все и.е. языки еще до своей письменной фиксации начали развитие в сторону создания инфинитива. Отсюда следует, что гипотеза об отсутствии инфинитива в древних и.е. языках Балканского п-ова не может быть обоснована сравнением с другими родственными языками. Показательно наличие в албанском значительного числа и.е. типов от причастных имен. Автор указывает, что при интенсивном двуязычии в условиях у с т н о г о общения (балканская ситуация) инфинитив вытесняется в силу самой специфики этой категории по сравнению с другими глагольными категориями (с точки зрения трансформационной грамматики).

А. Б. Ч е р н я к (Ленинград) в докладе «К вопросу о реликтах первичного албанского инфинитива в тоскском» высказался против гипотезы М. А. Габин-

¹ «Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15—16 января 1974 г.). Предварительные материалы», М., 1973.

ского² об общеалбанском характере первичного албанского инфинитива типа *te ba*, предлагаая рассматривать оборот *do me thenë* «значит» не как реликт инфинитива в тоскском, а как тоскизированный гегизм, а также подвергая сомнению возможность усматривать реликт инфинитива в причинном деепричастном обороте *te qënë*.

Ряд докладов был посвящен анализу структуры глагола в балканских языках (синтаксис, грамматическая интерференция, происхождение некоторых категорий). В. Ю. Розенцвейг (Москва) в докладе «О синтаксисе глаголов и синтаксисе инфинитивных предложений» рассмотрел два способа лингвистического описания синтактики слова и синтаксических правил, использующих эти сведения при анализе и синтезе предложения. При первом способе описания основная информация, необходимая при обращении со словом в ходе построения и разбора предложения, сообщается в словаре. Второе описание опирается на грамматику, сообщая здесь информацию, требующуюся для анализа и синтеза предложения, в том числе и сведения о синтаксических свойствах слов, используемых в предложении. По мнению докладчика, вопросы операционного описания имеют отношение к диахроническим описаниям (особенно синтаксической конвергенции контактирующих языков). Так, вынесение инфинитивной конструкции придаточным предложением следует описывать, исходя из изменений синтаксических свойств глаголов, вводящих такого рода синтаксические построения, т. е. подходить к рассматриваемому изменению нужно со стороны словаря, учитывая особенности речевой коммуникации в условиях контакта.

А. П. Сытов (Ленинград) в докладе «Видо-временные системы болгарского, повогреческого и албанского языков», перечислив ряд сходств в строении и функционировании названных систем, пришел к выводу, что специфика этих систем определяется фактом одновременного наличия в них как унаследованных форм аориста, имперфекта и презенса, так и более поздних по образованию аналитических форм относительного времени.

В докладе «К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива», построенном с привлечением материалов современных говоров, а также письменных памятников, Е. И. Демин (Москва), рассмотрев последовательности изменений системы болгарского глагола, приходит к выводу, что развитие указанных категорий характеризуется не только хронологически-территориаль-

ной неравномерностью, но и неравномерностью появления конкретных инноваций, преобразовавших систему формально-семантических оппозиций индикатива.

В докладе Л. А. Покровской (Москва) «Методика исследования синтаксических особенностей гагаузского языка и балкано-турецких диалектов» сопоставительный анализ материала контактирующих языков предлагается вести на основе всей системы синтаксических средств, имеющихся в данных языках, поскольку средства выражения синтаксических отношений являются определяющими элементами структуры предложения и по своим типам (их четыре) сопоставимы в языках различного грамматического строя. Сделанный докладчиком вывод о сближении структуры гагаузского предложения с таковой болгарского и русского языков и о наличии регулярных изменений морфолого-синтаксических средств гагаузского языка проиллюстрирован образованием новых структурных типов сказуемого в гагаузском языке, не свойственных другим тюркским языкам.

Т. Н. Свешникова (Москва) в докладе «О грамматических трансформациях румынских конструкций с конъюнктивом в аспекте БЯС», рассмотрев более десяти синонимичных конъюнктиву конструкций, признала их в определенном смысле изоморфными на морфологическом уровне.

В докладе А. В. Жугры (Ленинград) «Албанские материалы для сопоставительного аспектологического» рассматривалось несколько типов аналитических конструкций, способных выражать аспектуальные значения. В частности, конструкции, образованные с помощью глагола *jam* «быть» и деепричастия, характеризуются признаком имперфективности, тогда как формы презенса (и имперфекта), сопровождаемые частицей *po*, выражают прежде всего признак актуальности действия.

В докладе Т. Б. Менской (Москва) «Морфологическая адаптация турецких глагольных заимствований в болгарском языке (категория непереходности/переходности)» отмечалось, что при взаимодействии турецкой и болгарской глагольных систем не происходило выделения иноязычной морфемы из большого числа заимствованных лексем и включения ее в систему словообразовательных средств заимствующего языка. Сопоставление результатов морфологической интерференции двух неродственных языков (турецкого и болгарского) и двух родственных (греческого и болгарского) обнаруживает неразложимость заимствований при интерференции из неродственного языка в отличие от разложимости заимствований из родственного.

В докладе К. И. Логачева (Ленинград) «Классификация балканских языков с точки зрения структуры речевых

² М. А. Габинский, Появление и утрата первичного албанского инфинитива, Л., 1970.

вариантов» предложены четыре критерия типологической классификации, имеющих отношение к структуре речевых вариантов (под речевыми вариантами понимаются разные типы отрезков речи, имеющие естественные границы, — высказывания, реплики), а именно: наличие — отсутствие 1) полиприсоединения, 2) морфологического выражения притяжательности, 3) падежных форм имен, 4) членных форм имен.

О. С. Широков (Москва) в докладе «Новогреческие и албанские падежи», сравнив системы падежных отношений новогреческого и албанского языков, а также говора албанцев Украины, пришел к выводу о том, что система бессарабско-албанских именных парадигм может служить типологической параллелью к реконструируемому протогреческому склонению.

Ю. А. Лопашов (Ленинград) в докладе «К интерпретации местоименной репризы дополнения в балканских языках» отметил, что краткие местоимения дублируют дополнение, обозначающее как определенный, так и неопределенный предмет. Причины появления и грамматикализации репризы докладчик видит в стремлении говорящих разграничивать с ее помощью синтаксически омонимичные формы, а также в наличии в балканских языках глаголов, выступающих как переходные и непереходные.

В докладе Т. В. Цивьян (Москва) «Предложения по сопоставительной грамматике балканских языков» были изложены принципы системного описания БЯС в терминах сопоставительной грамматики балканских языков. Грамматика такого рода соответствовала бы модели некоего метаязыка, с указанием способов перехода к каждому из конкретных языков. При этом должны учитываться следующие требования: 1) однородное описание синтаксических систем отдельных языков, что достигается описанием с помощью элементарных синтаксических конструкций, приводимых затем в соответствие с основными логико-грамматическими единицами, конституирующими фразу, 2) сведение полученных описаний воедино и построение общей синтаксической системы БЯС.

Специальное заседание симпозиума было посвящено проблеме грамматического выражения определенности/неопределенности (в рамках БЯС). Для того чтобы достигнуть однородных результатов описания категорий определенности/неопределенности на материале разных балканских языков, И. И. Ревзин в своем докладе предложил специальную анкету по описанию этой категории. Анкета призвана также служить организующим принципом в постановке проблемы и подготовить почву для подробного проспекта. По этой причине анкета содержит не только собственно

языковую, но и метаязыковую часть, в которой сделана попытка выяснить, какие лингвистические вопросы вообще целесообразно привлекать для рассмотрения в связи с этой категорией, а также выявить точку зрения отвечающего и рассмотрение проблемы в соответствующей традиции. По многим вопросам в анкете дан комментарий (указание на литературу, примеры возможных ответов). Анкета ориентирована на структурно-системный подход к категории определенности.

В докладе Н. И. Толстого (Москва) изложены наблюдения над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах. Подчеркнув генерализирующую функцию артикля как решающую для восприятия его в качестве отдельной категории или части речи, докладчик остановился на двух локальных и специфических моментах: 1) связь артикля и указательных местоимений может проявляться также в том, что сформировавшаяся (на базе указательных местоимений) система артикля иногда влияет на систему указательных местоимений в функциональном и даже в формальном (морфологическом) плане; 2) отмечено наличие связи артикля и относительных местоимений и наречий.

А. В. Жугра (Ленинград)

*

19—21 марта 1974 г. в Москве прошла конференция, посвященная проблеме «Лингвистики текста». Конференция была организована МГПИИЯ им. М. Тореца. В ней приняло участие 800 научных работников из пятидесяти городов Советского Союза, представителей 82 учебных и научных организаций, а также из четырех зарубежных стран (ВНР, ГДР, СРР, Швейцарии). На пленарных и секционных заседаниях было прослушано 73 доклада¹ и 27 выступлений.

Большое внимание на конференции было обращено на определение сущности лингвистического понятия текста. Текст определялся как явление, объективированное и от языка, и от речи, обладающее своей предикативностью и своей модальностью, отличной от предикативности и модальности предложения. Такая постановка проблемы, как отметил И. Р. Гальперин (Москва), открывает широкие перспективы изучения функционального аспекта языка.

Рассматривались семантические, грамматические, фонетические, коммуникативные, стилистические и другие характеристики текста как смыслового единства.

¹ См. «Материалы научной конференции „Лингвистика текста“, ч. I, II, М., 1974.

ва, с особым вниманием при этом к психологической основе «феномена цельности» текста (доклад А. А. Леонтьева, Москва). А. Д. Швейцёр (Москва) в докладе «Социально-коммуникативный анализ текста» рассмотрел вопросы вариативности языковых средств с точки зрения факторов, определяющих их выбор в процессе коммуникации.

Проблема семантической структуры текста была в центре внимания докладов Г. В. Колшанского (Москва) и В. Г. Гака (Москва). Было обращено внимание на то, что коммуникативная сущность текста связана с исследованием его смысловой стороны, т. е. с определением лингвистических, психологических и гносеологических признаков текстовых фрагментов (доклад Г. В. Колшанского). Номинативный аспект выделен как основной аспект текста, поскольку язык в своем функционировании так или иначе обнаруживает соотносительность с обозначаемыми им внеязыковыми объектами, реально существующими или мыслимыми (доклад В. Г. Гака). В докладе Л. С. Бархударова (Москва) «Текст как единица языка и как единица перевода» рассматривался вопрос о выявлении и установлении правил текстообразования, что имеет, как было подчеркнуто докладчиком, прямое отношение к теории перевода, поскольку «эквивалентность в переводе осуществляется, прежде всего, на уровне текста в целом». Г. В. Степанов (Москва) в своем докладе коснулся вопросов соотношения текста как целого и его конститuentов, в частности слов, в художественном тексте. И. И. Чернышева (Москва) в своем докладе «Текстообразующие потенции фразеологических единиц» обратила внимание на одну малоисследованную область фразеологии, связанную с функциональным аспектом языка, а именно на «вторичные семантические процессы», которые можно наблюдать при функционировании фразеологических единиц в различных актах коммуникации. В докладе В. Д. Левица (Москва) «Структура художественного текста и история литературного языка» рассматривались вопросы организации текста в диахронном плане, предполагающем изменение принципов и приемов его построения. Проблемы текста в связи с функциональными стилями обсуждались в выступлении В. Флейшера (ГДР).

В докладах и сообщениях по общим проблемам лингвистики текста основное внимание было обращено на коммуникативный аспект функционирования языка. Г. Г. Почепцов (Киев) в своем докладе подчеркнул тот факт, что первый уровень анализа, связанный с построением связной речи, лучше изучен, чем второй, предполагающий сложное текстовое целое. В докладе З. Я. Турево (Ленинград) «Опыт описания

видо-временной системы английского глагола» рассматривался вопрос о зависимости языковых единиц от «глубинной структуры» текста в целом. Э. М. Медникова (Москва) посвятила свой доклад вопросам прагматического аспекта текста, которые были рассмотрены на материале словопроизводства и компрессии речи. В докладе И. Г. Торсуевой (Москва) и Л. С. Сержанна (Орехово-Зуево) нашла отражение проблема смыслового членения и интонационной структуры единиц связного текста. Г. П. Щедровицкий (Москва) в своем докладе поставил вопрос о новых путях и возможностях исследования текста в соответствии с современными требованиями изучения механизмов порождения и функционирования языка. Данная программа, как подчеркнул докладчик, предполагает широкие связи лингвистики с такими областями, как семиотика, логика, теория коммуникации, психология, социология и т. д. В докладе Е. Ф. Тарасова (Москва) также подчеркивалась необходимость выхода за пределы внутрilingвистического анализа при разработке проблематики текста.

На конференции обсуждались проблемы коммуникативного аспекта текста в плане изучения функционирования языка, вопросы актуализации языковых единиц в тексте, проблемы связности и построения текста, анализ содержательной структуры текста, вопрос о классификационных особенностях текстов. Кроме того, уделялось внимание и диахроническому аспекту «лингвистики текста», а также месту текста в дихотомии языка и речи.

При обсуждении грамматических проблем в центре внимания стояли вопросы соотношения структурно-синтаксических и семантических характеристик текста. Ряд докладов, в частности, посвящен проблеме соотношения сложного синтаксического целого и абзаца.

Во многих докладах дана функционально-коммуникативная характеристика отдельных грамматических явлений на фоне целого текста. В связи с коммуникативным заданием текста рассматривались употребление залога, вопросы «имплицитных грамматических значений» на уровне текста, природа и «лингвистический статус сложного синтаксического целого», определяемого как «сверхфразовое единство».

На секции «Стилистические проблемы организации текста» целый ряд докладов был посвящен значимости разных элементов художественного текста для смысла текста в целом, рассмотрению различных структурных элементов текста, в частности, обсуждались вопросы абзаца как стилистико-синтаксической категории и был затронут вопрос о «макропредложении» как синтаксической единице

художественного текста, а также коммуникативный аспект художественного текста.

Были прочитаны также доклады, посвященные проблемам текста в связи с функционированием в нем фразеологических единиц, контекстуальным связям слова и фразеологизма в художественном произведении, психолингвистическому и семантическому аспектам стилиевой организации текста, соотношению устной и письменной форм текста.

На конференции был обсужден целый ряд докладов, посвященных также проблеме формализации, автоматизации и статистической обработки текста, а также проблеме межфразовых характеристик текста.

На заключительном пленарном заседании был прослушан ряд докладов и выступлений по прочитанным докладам.

Подводя итоги конференции, И. Р. Г а л ь п е р и н подчеркнул необходимость поисков также новых направлений при изучении такого лингвистического явления, как текст.

Конференция показала высокий уровень теоретического решения многих лингвистических вопросов и поставила ряд актуальных задач прежде всего в области выработки понятийного аппарата лингвистики текста, однозначного мета-языка, а также методов исследования текста.

В. Г. Варина (Москва)